

ПОПУЛИЗМ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ, МЕНТАЛИТЕТ

*Магистрантка Университета мировой
экономики и дипломатии
Исмаилова Дильфуза Узакбаевна*

Аннотация: Трудности определения сущности популизма и ограничения сферы применения этого понятия определили длительную полемику в академической сфере. Среди основных обсуждаемых тем чаще всего возникал один вопрос: можно ли рассматривать популизм как идеологию («тонкую» идеологию, в смысле Фридена) или его следует свести к политическому стилю, который можно прикрепить к любому идеологическому фону? Ссылаясь на понятие, разработанное Хуаном Линцем для отличия авторитаризма от тоталитаризма, и на основе эмпирических данных мы полагаем, что популизм следует рассматривать не как идеологию и не только как стиль, а как менталитет, связанный с видением социального порядка, основанное на вере во врожденные добродетели людей, главенство которых утверждается как источник легитимности правительства.

Ключевые слова: популизм; идеология; политическая теория; демократия.

Различные стороны явления, к которому был применен ярлык популизма, создали путаницу как среди тех, кто стремился проанализировать его эмпирические проявления, так и среди тех, кто пытался извлечь единое теоретическое содержание из этих тематических исследований. Широкий географический охват и хронологическая широта популизма подчеркивают скорее неоднородность этого явления, чем его общие матрицы. Было подчеркнуто, что популизм время от времени проявляется в различных формах, выражаясь в движениях, режимах, дискурсивных стилях и риторических стратегиях, состояниях ума и психологическом поведении; как таковая, литература подчеркивала его подобную хамелеону способность адаптироваться к широкому спектру контекстов, выходя за привычную разделительную линию между левыми и правыми. В ответ на различные призывы переопределить границы этой концепции внимание было переключено на призывы отказаться от популизма как прочной концептуальной основы; поэтому утверждалось, что «популизм» — это фиктивная сущность и что было бы бесполезно пытаться его уловить.

Популизм, безусловно, можно лучше понять «в смутном свете кумулятивных форм, которые он охватывает во времени и пространстве, а не

через интеллектуальный синтез, который неизбежно имеет тенденцию к упрощению». Экстремистский характер этих высказываний проявляется уже в том, что эти цитаты связаны с учеными, которые в поисках этого жанра Феникса посвятили и продолжают уделять немало интеллектуальной энергии. Поэтому их можно рассматривать как провокации, продиктованные неудовлетворенностью, связанной с тенденцией средств массовой информации раздувать использование понятия до такой степени, что искажают его значение; но не следует воспринимать их буквально.

Популизм исторически не был идентифицирован как однородный тип политического режима, он не проявлял одинакового содержания во всех движениях, которые были носителями его послания, и его нельзя связать ни с четко сформулированным видением мира, понимаемым в соответствии с канонам классического мировоззрения или политической программе, полностью разделяемой всеми его членами. Однако эта сложная ситуация не делает невозможным уловить единую сущность явления¹.

Действительно, убеждение в том, что популизм обладает многими атрибутами идеологии, хотя и не всеми из них, можно перевернуть с ног на голову и использовать для демонстрации того, что популизм имеет свое собственное видимое ядро, душу, сердце, состоящее из «элементов, повторяющихся в время и пространство, которые делают ее сходной с характеристиками идеологии, которые можно обнаружить даже тогда, когда некоторые элементы ее стиля или содержания поглощаются с чисто инструментальной целью субъектами, нечувствительными к ее кредо и, как таковые, смешиваются с практиками.

Как это уже произошло со многими доктринами, конкурирующими на демократической арене, например, либерализм или социализм, популизм был подвержен противоречивым формулировкам и состоял из противоречивых тенденций; это не исключает его из категории политических тенденций, которые оказали значительное влияние на наши современные общества. Именно эта способность влиять на наши современные общества регулярно побуждала научное сообщество предпринимать попытки сформулировать определение этого явления. Это способно объяснить как единство, так и многозначность, которые его отличают.

Первые усилия в этом направлении были предприняты коллективно участниками симпозиума, организованного журналом «Правительство и оппозиция» в Лондонской школе экономики в мае 1967 года. По иронии судьбы, следует отметить, что, несмотря на свою «неуловимую и изменчивую» форму,

¹ Freedon, Michael. 1996. *Ideologies and Political Theory: a Conceptual Approach*. Oxford: Clarendon Press

популизм заменил коммунизм, выполнив роль призрака, овладевшего миром. Организаторы встречи 1967 года задавались вопросом, действительно ли существовало уникальное явление, соответствующее этому названию, и, в случае положительного ответа, можно ли было бы классифицировать его как идеологию, движение или менталитет, возникший в результате определенной социальной ситуации или психологическая предрасположенность.

Мнения, полученные на основе опроса 1960-х годов, охватившего четыре континента, разошлись: Дональд Макрей считал, что можно говорить о популистской идеологии, Питер Уайлс возражал, что это скорее своего рода синдром, а не правильная доктрина, а Кеннет Миноуг отдавал приоритет его измерению как политического движения, а Ангус Стюарт указал на выявление социальных коннотаций, которые придали популизму особую идентичность.

Есть риск развития «комплекса Золушки», то есть разочарования, возникающего из-за невозможности найти в реальном мире объекты, полностью соответствующие требованиям теории. Разумность этого предупреждения и авторитетность ученых, создавших его, способствовали развенчанию различных попыток дать популизму всеобъемлющее определение, но надежда на достижение согласия по выявлению сущностных характеристик популизма не угасла и создала благодатную почву для особенно оживленных дискуссий. Краеугольными камнями которых по большей части являются те, что были заложены в 60-е годы и даже раньше².

Действительно, эти характеристики можно проследить до Эдварда Шилса, который, когда писал на эту тему в середине 50-х годов, сформулировал первоначальное убеждение, что популизм выражается в идеологии, провозглашающей, что «воля народа как таковая имеет высшую силу над всеми другими стандартами, над стандартами традиционных институтов, над автономией институтов и над волей других слоев. Популизм отождествляет волю народа со справедливостью и моралью». С тех пор стало распространенным убеждение, что это обращение к народу является краеугольным камнем справедливого и законного порядка и потенциально находится в центре каждой политической демонстрации этого явления.

Тем не менее, именно на этих основаниях различные противоречивые предложения процветали и интегрировали дополнительные элементы к этому бесспорному ядру. Во время конференции в Лондоне Макрей оказался изолированным в поддержке необходимости, если кто-то заинтересован в понимании значения популизма, рассматривать его как, хотя и не только, как идеология, особая форма примитивизма, идеализировавшая, в зависимости от

² Canovan, Margaret. 1999. 'Trust the People! Populism and the Two Faces of Democracy.' *Political Studies* 47, no. 1, 2–16.

рассматриваемых случаев, аграрное сообщество или старые добрые времена, которые были до темной фазы колониализма.

Хотелось бы подчеркнуть то значение, которое популисты придают ощущению принадлежности к конкретному местному контексту и их склонности ссылаться на заговоры посторонних – евреев, иностранцев, банкиров, еретиков и т.д. – при объяснении трудностей, с которыми сталкиваются простые и честные люди. В своей повседневной жизни, однако, позволили Макрею развить свое понятие идеологии в теорию личности, которая выбрала в качестве модели человека, «избежавшего всех последствий грехопадения Адама», который мог полностью развить свою свободу только в отношении социальной однородности³.

Уайлс, выразив свою уверенность в том, что «любое вероучение или движение, основанное на следующей основной предпосылке: добродетель заключена в простых людях, составляющих подавляющее большинство, и в их коллективных традициях», может быть определено как популистское, утверждал, что эта посылка «вызывает политический синдром удивительного постоянства», состоящий из множества симптомов, включая морализм, неприятие партийной бюрократии, опору на лидеров с необычными качествами («в мистическом контакте» с массами), отсутствие доверия к интеллектуалам, финансовая мощь и любые другие сферы деятельности истеблишмента, примирительное общественное сознание, противодействие социально-экономическому неравенству и изоляционизм, враждебный милитаризму и расизму.

Уорсли явно исключал возможность сопоставления популизма с определенным типом идеологической системы или организации и говорил, ссылаясь на Шилса, об «измерении политической культуры в целом», которое предполагает верность двум кардинальным принципам: 1) верховенству воли людей по каждому институциональному предписанию и 2) институциональное стремление к прямым отношениям между людьми и руководством. Эти принципы были преобразованы, по мнению Уорсли, в квазирелигиозную веру в добродетели неспорченных простых людей, в однородное и антиклассовое представление общества, в акцент на конфликте между обычным человеком и обществом.

Многие режимы третьего мира, родившиеся в результате деколонизации, реализовали эти убеждения через доминирующую партию, ориентированную на коммунитарную интеграцию национальных масс. После этого обмена идеями именно Исая Берлин снова попытался синтезировать проблемы, возникшие в

³ Dorna, Alexandre. 1999. *Le populisme*. Paris: Presses universitaires de France.

результате дискуссии, утверждая, что на основе исследований, проведенных до этого по этому вопросу, можно было выделить шесть основных характеристик популизма:

- 1) идея сплоченного общества, тесно связанная с органическим сообществом, описанным Тённисом в знаменитом *Gemeinschaft* и общество;
- 2) доверие больше относится к обществу, чем к государству;
- 3) заинтересованность в возвращении людей к утраченной гармонии с естественным порядком,
- 4) тенденция к ностальгическому акценту на ценностях, связанных с древними временами,
- 5) убежденность в том, что популизм говорит от имени большинства населения;
- 6) тенденция возникать в социальных контекстах, в которых процесс модернизации уже начался или находился на поздней стадии инкубации⁴.

Отголоски этого коммунитарного образа можно проследить во многих последующих исследованиях, которые, однако, оставили нерешенным вопрос о глубокой природе популизма: идеологии для одних, менталитета или политического стиля для других.

Существенные черты популизма, предложенные Людовико Инчиза ди Камерана, одним из первых ученых, написавших на эту тему после конференции в Лондоне, связаны с требованиями идеологии. Хотя ученый признает, что «теоретическая и систематическая разработка» не соответствует феномену популизма, он предпочитает обращаться к политическим формулам (множественное число), «для которых главным источником вдохновения и постоянным ориентиром является народ, рассматриваемый как социально однородная совокупность и исключительный хранитель позитивных, специфических и постоянных ценностей», люди, которые не рационализируются популистами, а скорее «интуитивно и аподиктически постулируются» – иными словами, человек чувствует себя частью народа, независимо от его социально-профессиональной роли и места на социальной лестнице – вплоть до того, что это становится мифом.

И как идеология, согласно Инчизе ди Камеране, популизм выполняет типичную функцию всякий раз, когда он возникает в результате политического и/или социального кризиса, используя антиклассовый призыв синтетическим и целебным образом с целью стирание всех следов социальных конфликтов, которые разрушили соединительные ткани сообщества и вернули ему первоначальную однородность. Это особенно произошло в некоторых странах

⁴ Freedon, Michael. 1996. *Ideologies and Political Theory: a Conceptual Approach*. Oxford: Clarendon Press

Латинской Америки во время фазы ускоренной модернизации, между 30-ми и 50-ми годами 20-го века, когда национал-популизм, как его определил Джино Германи, послужил основой для политической мобилизации больших слоев населения, до того чуждых национальному обществу, посредством процесса индустриализации, что объясняет успех, который эта формула имела в различных латинских американских странах и их постоянное подтверждение в качестве источника народной поддержки.

Концептуальные установки Incisa di Camerana и Germani отражают тенденцию связывать появление популистских движений с социальной реконструкцией нескольких стран третьего мира и подчеркивать антиплюралистические, органические и авторитарные идеи. Характеристики этого явления, которое, по-видимому, по крайней мере частично, совпадает с возникновением военно-гражданских «диктатур развития».

Последующие анализы еще больше расширили географические рамки и попытались лучше сформулировать связь между популизмом и его идеальным референтом. «Мифо-символическое преобразование идеи народа» и ее «сакрализация» как основы любой социальной и политической ценности, подчеркиваемые антропологом Карло Туллио-Альтаном, часто ставятся под сомнение на этом новом этапе дискуссии о содержании⁵.

Существенный поворот произошел в этой области, когда в 1981 году Маргарет Канован опубликовала свою книгу «Популизм». Указывая на то, что трудность найти однозначное определение этого явления не была уникальной – когда речь идет об их эмпирических проявлениях, социализм, либерализм или консерватизм страдают от одной и той же неоднородности – Канован утверждает, что понятие популизма «однако дает указатель шаткий, в интересную и во многом неисследованную область политического и социального опыта».

Даже если ученый подчеркивает, что ни одно из движений, обычно называемых популистскими, не объединяет в себе все черты, связанные с этим понятием, он отмечает, что все они демонстрируют две основные характеристики: экзальтацию народа и антиэлитарную позицию, которая воспитывает у него недоверие к народу профессиональных политиков и конкурентной политики и подталкивает их питать «пафос «маленького человека», его борьбу и его добродетели» и доверять лидеру, который не имеет ничего общего с партиями и институтами.

Заключение: Попытка связать эти особенности с определенной идеологией, разделяемой всеми формами популизма, объединить их в одну

⁵ Chiapponi, Flavio. 2008. Il populismo come problematica della scienza politica. Genova: Coedit.di Camerana, Ludovico Incisa. 2000. Fascismo Populismo Modernizzazione. Roma: Antonio Pellicani.

категорию или обозначить популизм как правый или левый — «проигрышное дело». По мнению Канована, ярлык «популистский» можно применять «к определенным стилям политики, вызывающим неоднозначный резонанс у «народа», особенно «к политикам, которые утверждают, что говорят от имени всего народа, а не от имени какой-либо фракции».⁶

Влиятельная работа Канована послужила краеугольным камнем для исследований в этой области и подтолкнула других ученых отказаться от поиска определения идеального типа в пользу других подходов. Среди них Никола Маттеуччи выделяет апокалиптическую психологическую ориентацию в восхваляемой популистами идее общества, в котором «доминирует потребность в воссоединении с народом, согласно сентиментальному образу, если не стереотипному, грубому и манихейскому.

«Концепция социальных конфликтов» понимается как «вечная борьба между хищниками и добычей и желание окончательно искоренить Зло в сообществе, в котором оно внедрено». Марк Лазар далее развил идею популизма как синдрома, основанного на возвышении народа и на антиэлитарности, соединив его с политическим стилем, способным придавать конкретные формы символическим данным.

Альфио Мастропаоло также настаивал на решающей важности стилистических элементов, основанных на риторике моральной целостности народа, понимаемого «как сообщество (национальное) или без классовых различий, интересов, ценностей и без трагических разделений, порожденных политикой» и, в частности, парламентскими маневрами и партиями. Мастропаоло считает, что, помимо этого стиля, движения, апеллирующие к популизму, преследуют конкретную цель: восстановить народ, вместилище всех добродетелей, на законном троне, «определяя его проявления воли, превосходящие любые ценности, а также любому правилу» и, таким образом, выражая «вдохновение плебисцита».

Использованная литература:

1. Canovan, Margaret. 1993. 'Il populismo come l'ombra della democrazia.' *Europa Europe* 2, no. 2, 45–46
2. Canovan, Margaret. 1999. 'Trust the People! Populism and the Two Faces of Democracy.' *Political Studies* 47, no. 1, 2–16.
3. Canovan, Margaret. 2002. 'Taking Politics to the People: Populism as the Ideology of Democracy.' In: *De-mocracies and the Populist Challenge*. Eds. Yves Mény and Yves Surel. Basingstoke: Palgrave, 25–44.

⁶ Canovan, Margaret. 1999. 'Trust the People! Populism and the Two Faces of Democracy.' *Political Studies* 47, no. 1, 2–16.

4. Chiapponi, Flavio. 2008. Il populismo come problematica della scienza politica. Genova: Coedit.di Camerana, Ludovico Incisa. 2000. Fascismo Populismo Modernizzazione. Roma: Antonio Pellicani.
5. Dorna, Alexandre. 1999. Le populisme. Paris: Presses universitaires de France.
6. Freedon, Michael. 1996. Ideologies and Political Theory: a Conceptual Approach. Oxford: Clarendon Press.
7. Freedon, Michael. 1998. ‘Is Nationalism a Distinct Ideology?’ Political Studies 46, no. 4, 748–765.